Оглавление

Предисловие к русскому переводу 11
Предисловие автора 15

КНИГА I

Глава 1. Противоречивые суждения, произнесенные о Революции при ее возникновении 25
Глава 2. О том, что основной и конечной целью Революции не были, как это думали, разрушение религиозной и обессиление политической власти 29
Глава 3. Каким образом и почему французская Революция, будучи революцией политической, в своих приемах походила на религиозную 34
Глава 4. Как почти вся Европа имела совершенно одинаковые учреждения и как эти учреждения повсеместно пали 38
Глава 5. Что, собственно, сделала французская Революция . 43

КНИГА II

Глава 1. Почему феодальные права стали ненавистны народу во Франции более, чем в других странах 47
Глава 2. О том, что административная централизация есть учреждение Старого порядка, а не создание Революции или Империи, как это говорят 58
Глава 3. Так называемая правительственная опека есть учреждение Старого порядка 68
Глава 4. О том, что административная юстиция и судебные изъятия в пользу чиновников суть учреждения Старого порядка 78
Глава 5. Как могла централизация проникнуть таким образом в среду старых властей и занять их место, не разрушив их 84
Глава 6. Об административных нравах при Старом порядке 87
Глава 7. О том, что уже при Старом порядке во Франции столица успела приобрести такой перевес над провинциями и поглощала соки всего государства в такой степени, как нигде в Европе 99

Глава 8. О том, что Франция была страной, в которой люди стали наиболее похожи друг на друга 104
Глава 9. О том, что эти до такой степени похожие люди более, чем когда-либо, делились на маленькие группы, взаимно чуждые и равнодушные друг к другу 109
Глава 10. Каким образом уничтожение политической свободы и разобщение классов породили почти все общественные недуги, разрушившие Старый порядок 126
Глава 11. О своеобразной свободе, встречавшейся при Старом порядке, и о влиянии ее на Революцию . . 138
Глава 12. том, что, несмотря на поступательное движение цивилизации, положение французского крестьянина в XVIII в. порою бывало хуже, чем в XIII в. 151

КНИГА III

Глава 1. Каким образом около середины XVIII в. литераторы сделались главными государственными людьми во Франции и каковы были последствия этого обстоятельства 171
Глава 2. Каким образом неверие могло стать общей и преобладающей страстью у французов XVIII в. и каково было влияние, оказанное этим на характер Революции 182
Глава 3. О том, что французы стремились к реформам раньше, чем стали желать вольностей 191
Глава 4. О том, что царствование Людовика XVI было наиболее благополучной эпохой старой монархии, и каким образом именно это благополучие приблизило Революцию 204
Глава 5. О том, как привели народ к восстанию, желая облегчить его положение 215
Глава 6. О некоторых приемах, с помощью которых правительством довершено было революционное воспитание народа 223
Глава 7. О том, что политической Революции предшествовал крупный административный переворот, и о последствиях этого факта 229

Глава 8. О том, как все предшествующее само собой привело к Революции 240

Приложение. Об областях с провинциальными штатами и, в частности, о Лангедоке 249

Примечания 261

1. Могущество римского права в Германии. — Каким образом оно заменило право германское 261
2. Переход монархии феодальной в демократическую . . . 263
3. Упадок свободных городов в Германии. — Имперские города 264
4. Время уничтожения крепостного права в Германии 266
5. <Об изначально славянском населении нынешних немецких земель> 267
6. Кодекс Фридриха Великого. 267
7. Крестьянские имения в Германии 274
8. Положение дворянства и распределение земли вдоль по Рейну. 274
9. Каким образом закон о ссудах под проценты ускорил раздробление земель? 275
10. Пример страстей, возбуждаемых уплатой десятины уже за десять лет до Революции 276
11. Пример того, каким образом духовенство отдаляло от себя народ, пользуясь своими привилегиями 276
12. Феодальные права, принадлежащие священникам. Один пример из тысячи. Шербугское аббатство (1753 г.) 277
13. Раздражение, вызываемое в крестьянах феодальными правами, в особенности принадлежащими духовенству 277
14. <О влиянии укоренившихся учреждений на другие области законодательства> 280
15. Общественная благотворительность, осуществляемая государством. — Фаворитизм 281
16. Пример способа, каким осуществлялась эта законная благотворительность 282
17. Полномочия интенданта по части регламентации промышленности 282

18. Дух управления Людовика XI 284
19. Городское управление в XVIII в. 285
20. <Изменчивость правил в области городского управления XVIII в.> 297
21. <Дурное управление городскими финансами в эпоху Людовика XVI> 298
22. Сельская администрация в XVIII в. — Извлечение из бумаг интендантства провинции Иль-де-Франс 298
23. Государство было опекуном над монастырями, как и над общинами; пример этой опеки. 303
24. Каким образом в Канаде можно было бы сделать наилучшую оценку административной централизации Старого порядка? 303
25. Взятые на выдержку примеры распоряжений общего характера, постоянно издаваемых государственным советом: они имеют силу закона для всей Франции и создают особые виды преступлений, по которым единственными судьями являются административные трибуналы 305
26. <Об идее, что жандармерия — это порядок, который может исходить только от правительства> 306
27. <О привилегиях на табачные бюро> 307
28. <Кто вынужден просить центральное правительство о ремонте провинциальной дороги>. 307
29. Большая или меньшая важность оброков, смотря по провинциям 307
30. Противосословное влияние общего обсуждения дел 308
31. <Местные вольности в условиях отсутствия общей свободы> 309
32. <Объем привилегий дворянства по отношению к налогам> 309
33. Косвенная привилегия в области налогов. Различие в способах взимания, даже при общности обложения 310
34. Другой пример неравенства во взимании при общем обложении 310
35. О том же 311

36. О том, как само правительство признавало, что привилегированные пользовались льготами по взиманию налогов даже при общности обложения 311
37. <Речь Юнга о налогах на богатых и бедных> 311
38. <О стремлении сеньора уменьшить уплачиваемые налоги> 312
39. Пример уважения правительства Старого порядка к приобретенным правам, формальным договорам и вольностям городов или сообществ 313
40. <О вреде непогашаемых рент> 314
41. <Об освобождении всех общественных должностей от налогов> 315
42. <О бесполезных или вредных должностях> 315
43. <О купленных должностях как частной собственности> 315
44. Анализ наказов дворянских депутатов Генеральных штатов в 1789 г. 316
45. Пример духовного управления епархией в средине XVIII в. 331
46. Настроение духовенства в провинциальных штатах и собраниях 332
47. <О либеральном настроении духовенства в политике> 332
48. <О связующих узах в политическом и гражданском обществах> 332
49. Примеры заявлений по поводу иных произвольных актов 333
50. <Об особом положении просвещенных и состоятельных классов> 333
51. Почему в старом обществе неограниченная власть часто принуждена была сдерживать себя 334
52. <Пример передачи дворянских имений на откуп> 335
53. Другой пример 335
54. Пример того, каким образом денежные права духовенства отчуждали от него людей, которые по своему изолированному положению должны были бы сблизиться с ним 336
55. <О злоупотреблениях при сборе податей> 336

56. Превосходство порядка вещей, господствующего в провинциях с земскими чинами (штатами), признаваемое самими чиновниками центрального правительства 337
57. Как понимали привилегированные в начале прогресс цивилизации, совершающийся чрез посредство улучшенных дорог? 337
58. Произвольное заключение в тюрьму из-за барщины 337
59. <Способы устройства дорог> 338
61. О тягости натуральной повинности по перевозке войскового имущества> 339
62. Образец того, как барщина (corvée) применялась ко всему 340
63. <Об обоготворении собственного разума философами XVIII в.> 341
64. Примеры того, как часто поступали по отношению к крестьянам 342
65. <Об отношении Фридриха Великого к религии> 343
66. <О проявлениях духа прогресса в Германии> 344
67. Каким образом английское устройство доказывает, что учреждения могут заключать в себе много второстепенных недостатков, и однако, это обстоятельство не препятствует им достигать главной цели, предположенной при их установлении 345
68. <О благополучии и Революции> 350
69. Преимущества, какими пользовался Парижский округ 350
70. <Об администрации Старого порядка> 350
71. Произвольное повышение поборов 351
72. Как выражается Тюрго о сельском населении во вступлении к записке, поданной королю 352
73. Каким образом революционные идеи вполне естественно развивались в умах при полном господстве Старого порядка 352
74. <О возмещении убытков со стороны государства> . . 352
75. Борьба различных административных властей в 1767 г. 353

Предисловие к русскому переводу*

Книга Токвиля о «Старом порядке и революции» была дважды издана в переводе на русский язык, но эти переводы давно вышли из продажи. А между тем крайне желательно, чтобы названное сочинение не было позабыто русской образованной публикой. Оно занимает видное место среди отборных произведений европейской мысли. Сорок лет прошло со времени его появления, и тем не менее ни одно из его основных положений не устарело, оно является по-прежнему главной оценкой переворота, совершившегося в конце прошлого века. Ученые неустанно работали эти сорок лет над обогащением наших сведений по «Старому порядку и революции», материал получал иногда освещение с иных сторон, чем те, которых коснулся Токвиль, и все-таки его книга является лучшим введением к предмету и лучшим суждением о причинах и направлении революции.

При беглом чтении «Старый порядок» произведет, быть может, не совсем верное впечатление. Может показаться, что автор более литературен, нежели ученый, что его сжатое, изящное, тщательно выработанное и несколько высокопарное изложение опирается скорее на общие соображения, чем на близкое знакомство с фактами: нет ссылок, не видно никакого ученого аппарата, только в прибавлениях находим несколько более специальный разбор некоторых вопросов, да и там автор старается избежать подробностей, сообщает лишь примеры. Но при более внимательном изучении книги читатель поверит автору, что иная короткая глава стоила годовой работы и что всякая книга является результатом «очень большого труда». Специалистам

* Предисловие написано к первому русскому изданию этой книги в серии «Научно-образовательной библиотеки» (1896 г.). — *Прим. к изд. 1911 г.*

приходится сожалеть, что Токвиль, из внимания к художественной форме, не захотел сообщить все свои доказательства, но как раз специальные исследования последних лет лучше всего показывают, как глубоко продуманы и тщательно взвешены его заключения. И если набранный автором способ наложения лишает нас возможности проверить специальные разыскания, зато законченный труд представляет, несмотря на свою историческую тему, образец политического рассуждения; в нем нет ничего лишнего и случайного, весь материал, предлагаемый читателю, использован для установления выводов.

Переворот 1789 года был для Токвиля не просто крупным событием, возбуждающим ученую любознательность, а как бы узлом, в котором сходятся нити прошедшего и современности. От него приходится начинать всякому, кто хочет уразуметь настоящее положение Франции — и не одной Франции. Задачи, имеющие такое значение для современного быта, представляют всегда особые трудности, потому что при разрешении их почти невозможно наблюдать спокойно и рассуждать беспристрастно. По немецкой пословице — никому не дано перепрыгнуть через свою тень, и в книге Токвиля мы найдем не один раз следы его политических взглядов. По происхождению и воспитанию он был аристократ, по характеру и убеждениям — либерал-индивидуалист, и он выбрал темы для своих работ — о демократии в Америке и о происхождении французской Революции — потому, что был глубоко заинтересован не только теорией, но и практикой демократического движения и политической свободы. Но хотя нам и показалось иной раз, что, как аристократ и либерал, он не совсем верно понял то или другое явление, хотя бы в иных случаях его приговор показался слишком строгим или объяснение не вполне достаточным, нельзя не признать, что в общем Токвиль сумел выдержать ответственную роль ученого, т.е. судьи. Он был слишком крупный человек, чтобы гоняться за мелкими партийными прибылями, и слишком идеалист,

чтобы на минуту усомниться в силе и пользе истины. И настолько можно говорить об объективности в исторических исследованиях, настолько Токвиль был объективен — не по холодности ума, а по чувству долга.

Трудно в такой книге отметить наиболее существенные выводы: внимательный читатель найдет, что каждая страница вызывает размышления. Но, может быть, нелишне напомнить самые общие вопросы — как бы отвлеченные категории, — о которых идет речь.

Между «Демократией в Америке» и «Старым порядком», между работой молодости и работой зрелого возраста существует самая тесная связь. В первом сочинении автор рассматривал демократическое движение при наиболее выгодных условиях и пришел к двум главным выводам: политическая свобода вносит необходимую примесь идеализма в демократическую жизнь, которая иначе легко может унизиться до грубого и мелочного себялюбия; лучшей опорой политической свободы в демократиях служат децентрализация и местное самоуправление.

В истории Франции Токвиль изучал обратную сторону медали. Революция, написавшая на своем знамени — «свобода и равенство», скоро отказалась от первого девиза, а второй присвоила себе Наполеоновская империя, т.е. демократическая диктатура. Объяснение нашлось не в ошибках революционеров и не в случайных обстоятельствах воина прошлого века, а в том воспитании, которое получил французский народ при Старом порядке. Самые характерные условия современной французской жизни были медленно и прочно выработаны ранее 1789 г., и «переворот» не изменил их, а перенес в новую обстановку. Несмотря на множество привилегий и сословных разделений, французское общество XVIII в. было уже, по сути, уравнено, и оставалось только устранить внешние разгородки, чтобы раскрыть это равенство. Если и раздавались жалобы на королевскую власть, зато народ вполне усвоил взгляд, что обо всех общих делах должно заботиться централизованное

правительство, и вопрос о том, в чьих руках будет правительственная власть, оказался вопросом второстепенным. Революция ломала историческую действительность в угоду отвлеченным теориям, но могущество отвлеченных теорий сложилось задолго до революции, в ту эпоху, когда общество отвыкало от всякого участия в политической деятельности.

Павел Виноградов

Предисловие автора

Предлагаемая книга — не история Революции. Эта история была написана слишком блестящим образом, чтобы ее переделывать; моя книга — только этюд об этой Революции.

В 1789 г. французы совершили величайшее из всех, когда-либо сделанных народами усилий, для того чтобы отрезать себя от своего прошедшего и отделить бездной то, чем они были, от того, чем они желали быть впредь. С этой целью они приняли всевозможные предосторожности, чтобы не перенести чего-нибудь из прошлого в свое новое положение; они всячески насиловали себя, чтобы сделать себя непохожими на своих отцов; словом, они сделали все, чтобы стать неузнаваемыми.

Я всегда был того мнения, что они гораздо менее успели в этой своеобразном предприятии, чем могло казаться со стороны и чем сами они думали первоначально. Я был убежден, что, сами того не зная, они удержали из Старого порядка большую часть чувств, привычек и даже идей, с помощью которых они вели Революцию, разрушившую этот порядок, и что, сами того не желая, они воспользовались его обломками для постройки здания нового общества; так что для того, чтобы хорошо понять и Революцию, и ее творение, мне было необходимо на мгновение забыть Францию, какую мы ее видим теперь, и вызвать из могилы другую Францию — ту, которой уже нет. Это я и попытался сделать в предлагаемой книге; но оказалось, что моя задача труднее, чем я предполагал.

Первые века монархии, Средние века, возрождение были предметом громадных трудов и очень глубоких исследований нас не только с фактами, совершившимися тогда, но и с законами, обычаями, духом правительства и нации в эти различные эпохи. Никто до сих пор не дал себе

труда рассмотреть подобным же образом и так же близко XVIII век. Мы воображаем, будто нам очень хорошо знакомо французское общество того времени, потому что ясно видим то, что блистало на его поверхности, потому что подробно знаем историю наиболее знаменитых личностей, живших тогда, и потому что интересные и красноречивые критические работы довершили наше знакомство с творениями великих писателей, украшавших то время. Но что касается способа, каким велись дела, действительной причиной учреждений, действительного взаимного положения классов, что касается положения и чувств тех классов, которых в то время еще не было ни видно, ни слышно, что касается самой сущности мнений и нравов, — обо всем этом мы имеем лишь смутные и часто ошибочные представления.

Я задался мыслью проникнуть в сердце этого Старого порядка, столь близкого к нам по числу лет, но заслоняемого Революцией.

С этой целью я не только перечитал знаменитые сочинения XVIII в.; мне хотелось изучить те многочисленные книги, которые менее известны и менее заслуживают известности, но, будучи неискусно составлены, тем явственней, может быть, обнаруживают действительные инстинкты времени. Я постарался как можно лучше ознакомиться со всеми официальными документами, в которых французы могли, при приближении Революции, высказать свои мнения и вкусы. Протоколы Штатов и впоследствии провинциальных собраний много выяснили мне в этом отношении. Особенно много я извлек из наказов, составленных тремя сословиями в 1789 г. Эти наказы, оригиналы которых образуют длинный ряд рукописных томов, навсегда останутся завещанием старого французского общества, последним выражением его желаний, подлинным заявлением его последней роли. Этот документ — единственный в истории. Но я не удовольствовался им.

В тех странах, где государственная администрация приобрела могущество, появляется мало таких идей, желаний

и страданий, встречается мало интересов и страстей, которые раньше или позже не обнажились бы пред нею. Посещая архивы этой администрации, мы не только приобретем очень точное знакомство с ее действиями, — пред нами откроется вся жизнь страны. Иностранец, которому бы выдали сегодня все конфиденциальные корреспонденции, наполняющие картоны министерства внутренних дел и префектур, скоро знал бы о нас больше, чем знаем мы сами. В XVIII в. государственная администрация была уже, как увидит читатель этой книги, очень централизованна, очень могущественна, необычайно деятельна. Она беспрестанно помогала, препятствовала, дозволяла. Она многое могла обещать и многое дать. Она уже влияла тысячами способов не только на общий ход дел, но и на судьбу семейств и на частную жизнь каждого отдельного лица. Вдобавок она была чужда гласности, вследствие чего люди не боялись открывать ее глазам самые тайные свои затруднения и беды. Я употребил очень много времени на изучение того, что нам осталось от нее частью в Париже, частью в различных провинциях*.

При этом, как я и ожидал, Старый порядок предстал предо мной как живой, со всеми своими идеями, страстями, предрассудками и обычаями. Здесь каждый высказывался не стесняясь и открывая свои заветнейшие мысли. Таким образом, я приобрел о старом обществе много сведений, которых не было у современников, потому что у меня перед глазами было то, что никогда не открывалось их взорам.

Подвигаясь вперед в этом исследовании, я удивлялся, встречая на каждом шагу во Франции того времени

* Преимущественно я пользовался архивами некоторых больших интендантств, особенно — Турским, который очень полон и относится к очень обширному округу, расположенному в центре Франции и населенному миллионом жителей. — Здесь я считаю долгом выразить признательность молодому и сведущему архивариусу, заведующему этими архивами, г. Гранмезону. — Другие округа и, между прочим, округ Ильде-Франса, показали мне, что подобным же образом дело происходило в большей части королевства.

огромное количество черт, поражающих нас в современной Франции. Я находил множество понятий, которые раньше считал порождением Революции, множество идей, исходящих, как мне казалось, от нее одной; тысячу привычек, которые, по общему мнению, дала нам только она; я повсюду находил корни современного общества глубоко вросшими в эту старую почву. Чем больше я приближался к 1789 году, тем явственнее различал тот дух, под действием которого Революция образовалась, родилась и росла. Мало-помалу перед моими глазами открылась вся физиономия этой Революции. Она уже заявляла свой темперамент, свой гений; это была она сама. Я находил не только основные мотивы того, что ей предстояло сделать при своем первом усилии, но еще более — указания на то, что ей суждено было создать надолго; потому что Революция имела два фазиса, весьма отличных друг от друга: первый, в течение которого французы, казалось, хотели всё уничтожить в своем прошлом, и второй, когда они из прошлого снова берут часть того, что покинули. Есть большое количество законов и привычек Старого порядка, которые таким образом внезапно исчезают в 1789 г. и снова показываются несколько лет спустя, как некоторые реки скрываются под землей, чтобы вновь появиться немного далее и показать те же воды новым берегам.

Непосредственная задача сочинения, которое я предлагаю вниманию публики, состоит в том, чтобы объяснить, почему эта великая Революция, подготовлявшаяся одновременно почти на всем материке Европы, вспыхнула у нас раньше, чем в других местах; почему она как будто сама собой вышла из общества, которое ей предстояло разрушить, и наконец, как могла старая монархия пасть так окончательно и так внезапно.

Но этим я не думаю ограничить предпринятый мной труд. Я намерен, если достанет времени и сил, через все превратности этой длинной Революции проследить тех самых французов, с которыми мы на такой короткой ноге жили при Старом порядке и которых этот Старый порядок вскормил,

проследить, как они видоизменяются и преобразуются сообразно событиям, но, однако же, остаются верными своей природе и постоянно вновь появляются перед нами с несколько отличной, но всегда узнаваемой физиономией.

Сначала я мысленно пробегу вместе с ними первоначальную эпоху 89-го года, ту эпоху, когда равенство и свобода одинаково дороги их сердцу; когда они хотят создать не только демократические, но и свободные учреждения; не только разрушить привилегии, но признать и санкционировать права; время молодости, энтузиазма, гордости, великодушных и искренних страстей — время, память о котором, несмотря на все его ошибки, люди сохраняют навсегда и которое еще очень долго будет тревожить сон всех тех, кто захочет подкупить или поработить их.

Быстро проходя по следам этой Революции, я постараюсь показать, какими событиями, какими ошибками и разочарованиями те же французы были приведены к тому, что покинули свою первоначальную цель и, забыв о свободе, пожелали сделаться только равными рабами властителя мира; каким образом затем правительство, более сильное и гораздо более абсолютное, чем то, которое было низвергнуто Революцией, захватывает и сосредоточивает в себе все виды власти, подавляет все вольности, купленные такой дорогой ценой, и ставить на их место пустые призраки, называя верховенством народа голосования избирателей, не имеющих возможности ни сноситься, ни вступать между собой в соглашении, ни выбирать, называя свободным вотированием налога — изъявление согласия со стороны безмолвных или порабощенных собраний; и как это правительство, лишая нацию всех средств самоуправления, отнимая у нее основные гарантии права, свободу мысли, слова и печати, т.е. все, что было самого драгоценного и благородного в победах 89-го года, все-таки украшает себя великим именем этой эры.

Я доведу свое исследование до того момента, когда Революция, по моему мнению, приблизительно заканчивает

свое дело и дает начало новому обществу. Тогда я приступлю к рассмотрению этого общества; я постараюсь различить, в чем оно похоже на предшествующее и в чем отлично от него, что мы потеряли в этой громадной всеобщей смуте и что выиграли в ней, и наконец, попытаюсь предсказать наше будущее.

Часть этого второго труда набросана вчерне, но еще не достойна быть представленной публике. Суждено ли мне ее окончить? Кто может это сказать? Судьба отдельных лиц еще гораздо темнее судьбы народов.

Я надеюсь, что настоящая книга написана без предрассудков, но не буду утверждать, что она написана беспристрастно. И едва ли позволительно французу ничего не чувствовать, когда он говорит о своей стране и думает о своем времени. Итак, я сознаюсь, что, изучая наше старое общество во всех его частях, я никогда вполне не терял из виду современного общества. Я желал уяснить себе не только недуг, от которого погиб больной, но и те условия, при которых он мог избегнуть смерти. Я поступал подобно тем медикам, которые в каждом погибшем органе стараются уловить законы жизни. Моей целью было нарисовать такую картину, которая была бы строго точна и в то же время могла бы сделаться поучительной. И вот каждый раз, когда я встречал у наших отцов какую-нибудь из тех черт доблести, которые нам всего необходимее и которых у нас теперь почти вовсе нет, — например истинный дух независимости, любовь ко всему великому, веру в себя и в дело, — я их подчеркивал; и точно так же, встречая в идеях, в законах, в правах того времени следы тех пороков, которые, погубив старое общество, разъедают нас и теперь, я старался ярче осветить их, для того, чтобы, видя ясно зло, уже причиненное нам, мы лучше могли понять тот вред, который они все еще могут нам принести.

Я сознаюсь, что меня не останавливала боязнь оскорбить то или другое лицо или класс общества, те или другие мнения или воспоминания, как бы они ни были почтенны,

если это оказывалось необходимым для выполнения моей задачи. Я делал это часто с сожалением, но всегда без угрызений совести. Пусть те, кому я таким образом мог быть неприятен, извинят меня ввиду той бескорыстной и честной цели, к которой я стремлюсь.

Многие, может быть, обвинят меня в том, что я в этой книге высказываю совершенно несвоевременную любовь к свободе, до которой, как меня уверяют, никому теперь нет дела во Франции.

Я только попрошу тех, кто предъявит мне этот упрек, принять во внимание, что такая склонность существует у меня очень давно. Более двадцати лет тому назад, говоря о другом обществе, я писал почти дословно то же, что читатель найдет в этой книге.

В сумраке будущего можно уже открыть три очень ясные истины. Первая из них — та, что все современные люди увлечены какой-то неведомой силой, которую можно надеяться урегулировать и замедлить, но не победить и которая то медленно толкает, то с силой мчит их к уничтожению аристократии; вторая — та, что из всех обществ в мире всего труднее будет надолго избегнуть абсолютного правительства тем, в которых аристократии уже нет и не будет; наконец, третья истина состоит в том, что нигде деспотизм не ведет к более гибельным последствиям, чем в таких именно обществах, потому что в них он больше, чем всякий другой род правительства, способствует развитию всех пороков, которым эти общества специально подвержены, и таким образом толкает их в ту самую сторону, куда, следуя природному влечению, они уже склонялись.

В них люди, уже не связанные друг с другом ни кастой, ни сословием, ни корпорацией, ни родом, слишком склонны заботиться только о своих частных интересах и, всегда занятые только собой, погрязают в узком индивидуализме, который заглушает всякую общественную добродетель. Деспотизм не только не противодействует этой склонности, но делает ее непобедимой, потому что он отнимает

у граждан всякую общую им страсть, всякую надобность друг в друге, всякую необходимость взаимного понимания, всякий повод к совместной деятельности; он, так сказать, закупоривает их в частной жизни. Они уже стремились разделиться: он совершенно разобщает их; они начали охладевать друг к другу: он их обращает в лед.

В обществах демократических, где нет ничего прочного, каждый ежеминутно терзается страхом быть оттесненным вниз и страстным желанием подняться повыше; и так как деньги, став главным признаком, разъединяющим людей и отличающим их друг от друга, в то же время приобрели необычайную подвижность, беспрестанно переходят из рук в руки, преобразуют общественное положение людей, возвышая или принижая семьи, — в таких обществах не существует почти никого, кто не был бы вынужден делать отчаянные и постоянные усилия с целью сберечь или приобрести деньги. Таким образом, желание богатства во что бы то ни стало, искание прибыльных афер, страсть к барышу, погоня за благосостоянием и материальными наслаждениями являются в таких обществах самыми обычными страстями. Здесь эти страсти свободно распространяются во всех классах, проникая даже в те из них, которым они раньше были наиболее чужды, и, если предоставить им волю, в короткое время могли бы совершенно расслабить и развратить нацию; природе же деспотизма свойственно содействовать их развитию и распространению. Эти расслабляющие страсти служат ему пособницами; они отвлекают внимание и занимают воображение людей вдали от общественных дел и заставляют их дрожать при одной мысли о революции. Один деспотизм может доставить им убежище и мрак, дающие простор алчности и дозволяющие наживать бесчестные барыши, не огорчаясь бесчестьем. При отсутствии деспотизма эти страсти были бы сильны; под его сенью они господствуют.

Одна свобода может в таких обществах успешно бороться со свойственными им пороками и удержать эти общества

на наклонной плоскости, по которой они скользят. И в самом деле, она одна может извлечь граждан из того состояния изолированности, в котором удерживает их самая материальная обеспеченность, и заставить их приблизиться друг к другу, она согреет их душу и ежедневно будет их соединять необходимостью понять, убедить друг друга и нравиться друг другу при выполнении общего дела. Она одна способна оторвать их от денежного культа и от мелкой будничной сутолоки частных дел, чтобы заставить их ежеминутно чувствовать свою связь с отечеством; она одна от времени до времени на место погони за материальной обеспеченностью ставит более энергичные и возвышенные стремления, доставляет честолюбию более значительные цели, чем приобретение богатств, и творит свет, дающий возможность видеть и судить пороки и добродетели людей.

Демократические общества, лишенные свободы, могут отличаться богатством, изысканностью, блеском, даже великолепием, могут быть сильны весом своей однородной массы; в них можно встретить качества, украшающие частную жизнь, — можно встретить хороших отцов семейства, честных торговцев и весьма почтенных собственников; мы найдем в них даже добрых христиан, потому что отчизна христиан — не от мира сего, и христианство славно тем, что порождало истинно религиозных людей среди величайшей испорченности нравов и при самых худших правительствах: Римская империя, в эпоху своего крайнего упадка, была полна ими. Но в среде подобных обществ, — говорю смело, — никогда не окажется великих граждан и тем менее великого народа, и я не боюсь утверждать, что общий уровень сердец и умов никогда не перестанет понижаться, пока равенство и деспотизм будут соединены в них.

Вот что я думал и говорил двадцать лет тому назад. Признаюсь, с тех пор ничего не случилось в мире такого, что заставляло бы меня думать и говорить иначе.

Так как свое хорошее мнение о свободе я высказывал, когда она была в милости, — надеюсь, не покажется пре-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)